

ориентация, нет «устойчивой трехмодульной структуры и традиционного набора журнальных жанров и типов текстов, особенно публицистических и литературно-критических, определенной мировоззренческой позиции и т. п., то есть всего того, что формирует единую журнальную политику и создает цельность журнального контекста» [3, с. 67].

Таким образом, в новых информационных и историко-культурных обстоятельствах традиционный русский журнал не исчез из культурного пространства России, хотя вряд ли можно утверждать, что начался его ренессанс. Журнал оказался вовлеченным в общий процесс конвергенции традиционных типов СМИ, происходящий под влиянием инновационных технологий.

Литература

1. Отчий край: Литературно-художественный иллюстрированный журнал. – №1. – С. 2–4.
2. Уэбстер, Ф. Теории информационного общества / Ф. Уэбстер. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 400 с.
3. Шильникова, О.Г. Типологический алгоритм «толстого» журнала в России XIX–XX веков / О.Г. Шильникова // Вестник ВолГУ. Серия 8. Литературоведение. Журналистика. Научно-теоретический журнал. – Вып. 7. – 2008. – С. 65–77.
4. Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект №15-14-34002).

Михаил Яницкий

Брестский государственный университет им. А.С. Пушкина

ЖАНР ЭССЕ ПОЛЕМИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ А. АНДРЕЕВА

Не так часто современные периодические издания печатают эссе, особенно философского, полемического характера. И это объяснимо, это вполне вписывается в политику дискурсного менеджмента периодики (в данном случае журнала «Неман»), его отношения с читательской аудиторией. Нетрудно предположить, что почитателей таких статей будет у него немного. И как бы полемизируя с таким тезисом, известный в Беларуси и за рубежом литературовед Анатолий Андреев пишет эссе «А может быть, я и рифмую зря?», основным тезисом которой является мысль: «Уход человека из народа – к личности (от природы – к культуре, от психики – к сознанию) является законом культурного прогресса, законом сохранения информации» [1, с. 234].

Автор тонко чувствует дискурс самого жанра эссе и манипулирует сознанием читателя, используя известную уловку – привлечь его внимание неожиданным парадоксальным выводом, т. е. он безукоризненно владеет стратегией информационной агрессии и успешно использует ее в, казалось бы, таком «безобидном» жанре, как эссе на тему культуры, литературы. Эссе строится вопреки законам логики, подчиняется произвольным ассоциациям, руководствуется принципом «все наоборот».

Впрочем, уже название должно заинтриговать и озадачить читателя – с чего бы это авторитетный критик задается таким банальным вопросом. Отправной точкой для размышлений является афористическое, яркое высказывание, парадоксальное определение, буквально сталкивающее на первый взгляд бесспорные, но взаимоисключающие друг друга утверждения, характеристики, тезисы.

Уже в начале эссе он вынуждает читателя (безусловно, интеллектуального и проницательного) порассуждать вместе о состоянии современного общекультурного дискурса: «Сегодня я считаю, что разочарование в культуре – удел именно преданных культуре людей, и это может быть проявлением силы, а не слабости. Иными словами, разочарование разочарованию рознь. Разочарование в культуре мыслящих людей, творцов культуры, по моему глубокому сегодняшнему убеждению, – весьма продуктивный и вовсе не надуманный культурный сюжет» [1, с. 232].

Эссе приобретает у него классическую кольцевую структуру (количество тезисов и аргументов зависит от темы, избранного плана, логики развития мысли):

- вступление;
- тезис, аргументы;
- тезис, аргументы;
- тезис, аргументы;
- заключение.

Аргументы А. Андреева для подтверждения выдвинутых тезисов также довольно убедительны. Они соответствуют классическим канонам написания произведения в этом жанре. Это факты, явления общественной жизни, события, жизненные ситуации и жизненный опыт, научные доказательства, ссылки на мнение ученых и ориентированность на краткость и образность.

«Чтобы двигаться вперед, чтобы культурный прогресс не останавливался, надо назвать вещи своими именами, а не наводить тень на плетень. Полоумный оптимизмо-пессимизм сегодня – это ментальная реинкарнация Сизифа. Это давно не свежий, то есть попросту протухший,

оптимизм религиозного толка. Это не духовный акт личности, а именно бездуховный, бессознательный акт не умеющего думать человека – более того, презирующего сам акт мышления» [1, с. 233].

Автор произведения смог установить доверительный стиль общения с читателем; чтобы быть понятным, он избегает намеренно усложненных, неясных, излишне строгих построений. Исследователи отмечают, что хорошее эссе может написать только тот, кто свободно владеет темой, видит ее с различных сторон и готов предъявить читателю не исчерпывающий, но многоаспектный взгляд на явление, ставшее отправной точкой его размышлений. Произведение А. Андреева подтверждает и иллюстрирует этот тезис.

Обратим внимание здесь также на язык художественно-публицистического дискурса эссе. Специалисты полагают, что должный эффект обеспечивают короткие, простые, разнообразные по интонации предложения, умелое использование «самого современного» знака препинания – тире, что и продемонстрировал автор. Использование устойчивых лексических словосочетаний – *наводит тень на плетень*, ярких авторских сравнений – *Иуда Искариот – просто Иисус Христос по сравнению с легионом штатных оптимистов*, эпитетов публицистического толка – *протухший оптимизм*, неожиданных авторских лексических предложений – *оптимизмо-пессимизм*, *ментальная реинкарнация Сизифа* – делают дискурс эссе образным, живым и эмоциональным.

Произведение А. Андреева отличается индивидуально-авторским подходом, совершенно не вписывается в дискурс традиционалистской поэтики. Свободное по композиции, ориентированное на субъективность, оно вместе с тем обладает внутренним смысловым единством, т. е. согласованностью ключевых тезисов и утверждений, внутренней гармонией аргументов и ассоциаций, непротиворечивостью тех суждений, в которых выражена личностная позиция автора.

Четко определив проблему эссе в его начале, автор так же ясно и убедительно делает выводы в конце. Концептуальной лексемой позиции автора становится существительное *милосердие*. Как заметил В. Ивченков, опираясь на труды В. Виноградова и А. Потебни, «Имя существительное ближе стоит к процессу осмысления действительности, так как не требует конкретных действий» [2, с. 196]. Слово *милосердие* у А. Андреева используется в саркастических целях. Он убежден, что не стоит настоящим представителям культуры, идя на поводу нравственных и эстетических запросов масс, сознательно снижать планку культурных идеалов, проявляя недалекое, бесперспективное милосердие. В

доказательство этого он приводит показательный пример – трагическую судьбу Л.Н. Толстого. Собственно говоря, он высказывает свое отношение к распространенному современному публицистическому концепту *массовая культура*.

В заключении, согласно жанру, доступно, с применением коротких предложений резюмируется мнение автора: «Из всего сказанного я бы сделал такой вывод: ни в коем случае нельзя понижать культурную планку ради народа, ради не испорченного культурой горшкового сознания. Народ этого понижения просто не заметит. Понижение обернется унижением культуры, только и всего. Напротив, во имя народа планку надо держать на недосягаемом уровне – чтобы не возникал соблазн подменять культуру “народной” культурой (культурой как проектом). Аполлона – горшком» [1, с. 236].

Литература

1. Андреев, Анатолий. А может быть, я и рифмую зря? / Анатолий Андреев // Нёман. – 2011. – № 7. – С. 232–240.
2. Іўчанкаў, В.І. Дыскурс беларускіх СМІ. Арганізацыя публіцыстычнага тэксту [Электронны рэсурс]. – Электрон. тэкст. дан. (4050 кб). – Мн.: “Электронная кніга БДУ”, 2004. – Рэжым доступу: <http://anubis.bsu.by/publications/elresources/Journalism/ivchenkov.pdf>. – Электрон. версія друк. выдання, 2003. – 320 с.